

Лу Линьчуань и Шэнь Юаньчэнь вернулись домой, и Лу Линьчуань, словно сдувшийся мяч, бессильно рухнул на диван. Измученный физически и морально, он крепко зажмурился. Шэнь Юаньчэнь же застыл, глядя в потолок, словно не в силах до конца отойти от пережитого напряжения. В комнате воцарилась тишина, пропитанная усталостью.

— Твои раны еще не зажили, тебе нельзяшний раз двигаться. Я сейчас сварю костный бульон, нужно подкрепить силы, — тихо сказал Лу Линьчуань.

Он поднялся и направился на кухню, а Шэнь Юаньчэнь неотступно последовал за ним.

— Отдохни пока, — попросил Лу Линьчуань.

— Позволь мне помочь, — отозвался Шэнь Юаньчэнь, собираясь встать.

— Не нужно. Ты ранен, а пульт от телевизора лежит на столе в гостиной, — заботливо наставил его Лу Линьчуань.

Спустя некоторое время, когда Лу Линьчуань был занят готовкой, он внезапно почувствовал, как чьи-то теплые руки осторожно легли ему на пояс. От неожиданности он вздрогнул и поспешно обернулся.

Шэнь Юаньчэнь безмолвно стоял позади, крепко обняв его. Его горячее дыхание, словно легкий ветерок, щекотало шею Лу Линьчуаня.

Столкнувшись с такой внезапной близостью, Лу Линьчуань насторожился. Он с некоторым усилием высвободился из объятий.

— Что ты творишь? — спросил он с ноткой подозрения и тревоги. В его голосе сквозило замешательство перед происходящим.

— Моя рана разошлась, помоги перевязать, — голос Шэнь Юаньчэня стал мягким.

Этот тихий звук, словно под воздействием неведомой силы, легким ветерком коснулся слуха Лу Линьчуаня. Он невольно прислушался, стараясь уловить каждое движение, каждый вдох, едва заметное дрожание голосовых связок собеседника. Его уши невольно залились краской, словно лепестки цветов, краснея от скрытого смущения.

Лу Линьчуань медленно отстранил Шэнь Юаньчэня и негромко произнёс:

— Я же просил тебя не двигаться. Садись на диван, я сейчас перевяжу.

— Больно... — Шэнь Юаньчэнь стиснул зубы, на лбу выступили капли пота, а в голосе слышалась дрожь и боль. — Ты не мог бы подуть на рану?

Глядя на раненого мужчину, Лу Линьчуань не удержался от приступа жалости. Он осторожно подошел к Шэнь Юаньчэню и заметил, что рана находится на груди. Из-за неудобного расположения ему пришлось наклониться, чтобы рассмотреть глубокий порез.

В этот самый момент взгляд Шэнь Юаньчэня непроизвольно упал на него. Из-за широкого ворота одежды, когда Лу Линьчуань наклонился, показалась полоска бледной кожи, отчего взгляд Шэнь Юаньчэня на мгновение потемнел, но он быстро взял себя в руки.

Лицо Лу Линьчуаня вспыхнуло, жар дошел до самых кончиков ушей. Он смущенно выпрямился и встретился взглядом с Шэнь Юаньчэнем.

— Почему у тебя уши покраснели? Жарко? — участливо спросил Шэнь Юаньчэнь, в его голосе проскользнула нежность.

Лу Линьчуань лишь коротко кивнул, не решаясь произнести ни слова. Он глубоко вздохнул, стараясь унять волнение, и потянулся за бинтами, чтобы тщательно перевязать рану. Если он промедлит еще хоть немного, то покраснеет не только ушами, но и лицом, став похожим на спелое яблоко.

Они молча сидели за обеденным столом, не проронив ни слова. Атмосфера была гнетущей. Еда казалась безвкусной, они жевали её механически, словно исполняя повинность.

Наконец, ужин закончился. Лу Линьчуань поднялся, собираясь убрать посуду в посудомоечную машину. В этот момент молчавший до этого Шэнь Юаньчэнь вдруг произнёс:

— Давай я. Ты сегодня очень устал, доверь эти мелочи мне.

Лу Линьчуань замер, внутри него всколыхнулись противоречивые чувства. Он посмотрел на Шэнь Юаньчэня, помедлил, но в итоге кивнул и осторожно передал ему тарелку.

Шэнь Юаньчэнь протянул руки, но то ли от излишнего напряжения, то ли еще по какой причине, не удержал её. Тарелка выскользнула из пальцев и с грохотом разбилась об пол.

Звон черепков эхом разнесся по комнате. Осколки разлетелись по полу, тускло поблескивая в свете ламп. Время словно застыло, воцарилась мертвая тишина. Они оба оцепенело смотрели на разбитый фарфор, не зная, как реагировать.

— На счастье, — улыбнувшись, сказал Лу Линьчуань.

Про себя же он подумал: он ранен, не злись, не злись.

— Прости... — в голосе Шэнь Юаньчэня слышались вина и досада.

В его глазах читалось такое глубокое раскаяние, что невозможно было не проникнуться сочувствием. Он опустил голову, не решаясь посмотреть в глаза, опасаясь увидеть там разочарование или упрек.

— Да ничего страшного, для этого же есть робот, вот теперь он наконец-то пригодится! — весело воскликнул Лу Линьчуань. — Уже поздно, иди отдыхай.

Проводив Шэнь Юаньчэня, Лу Линьчуань, волоча ноги от усталости, побрел в спальню. Той ночью ему приснилось, что руки Шэнь Юаньчэня снова лежат на его поясе.

<http://bllate.org/book/18674/1803915>